

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ

Брюссель, 26 сентября. Сегодняшний номер «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» содержит статью Гейнца, в которой последний, под предлогом самозащиты от пустячного упрека редакции, открывает длинную полемику против коммунистов.

Редакция советует обеим сторонам отказаться от полемики. В таком случае, однако, ей следовало бы опубликовать из статьи Гейнца только ту ее часть, в которой он действительно защищается против упрека в том, будто он первый напал на коммунистов. Если «Гейнцен и не имеет в своем распоряжении печатного органа», то это еще не является достаточным основанием для того, чтобы предоставить в его распоряжение газету для печатных выступлений с нападками, которые сама редакция этой газеты считает нелепыми.

Впрочем, нельзя себе представить лучшей услуги, чем та, которая была оказана коммунистам опубликованием этой статьи. Никогда против какой-либо партии не выдвигались более вздорные и более банальные обвинения, чем те, которые Гейнцен здесь бросает по адресу коммунистов. Статья является самым блестящим оправданием коммунистов. Она доказывает, что если коммунисты до сих пор не выступали против Гейнца, то они должны это сделать немедленно.

Г-н Гейнцен с самого начала выставляет себя представителем всех немецких радикалов, не являющихся коммунистами; он хочет спорить с коммунистами, как партия с партией. Он «имеет право требовать», он возвещает с величайшей решительностью, чего «можно ожидать» от коммунистов, чего «от них надлежит потребовать» и что «является долгом подлинных коммунистов». Он целиком отождествляет *свое* расхождение с коммунистами с расхождением между последними и «немецкими республиканцами и демократами» и говорит «мы» от имени этих республиканцев.

Кто же такой г-н Гейнцен и кого он представляет? Г-н Гейнцен — бывший либеральный мелкий чиновник, который еще в 1844г. мечтал о прогрессе в рамках закона и о жалкой немецкой конституции и который в лучшем случае под большим секретом вполголоса признавался, что в очень отдаленном будущем республика действительно должна была бы стать желательной и возможной. Г-н Гейнцен, однако, ошибся насчет возможности борьбы на почве закона в Пруссии. Он вынужден был бежать из-за своей плохой книги о бюрократии (даже Якоб Венедей задолго до этого написал гораздо лучшую книгу о Пруссии). И вот теперь он прозрел. Он объявил борьбу на почве закона невозможной, стал революционером и, конечно, также республиканцем. В Швейцарии он познакомился с *savant serieux* {солидным учёным} Руге, который приобщил его к своей скудной философии, представляющей собой беспорядочную мешанину из фейербаховского атеизма и гуманизма, реминисценций из Гегеля и штирнеровской риторики. Вооруженный всем этим, г-н Гейнцен счел себя вполне зрелым и, опираясь справа на Руге, слева на Фрейлиграта, начал свою революционную пропаганду.

Мы, разумеется, не ставим г-ну Гейнцену в упрек его переход от либерализма к кровожадному радикализму. Однако мы утверждаем, что этот переход он сделал только под влиянием личных обстоятельств. До тех пор, пока г-н Гейнцен мог вести борьбу на почве закона, он нападал на всякого, кто признавал необходимость революции. Но как только эта борьба на почве закона сделалась для *него* невозможной, он объявил ее вообще невозможной, не считаясь с тем, что такая борьба пока еще вполне возможна для немецкой буржуазии и что сопротивление последней постоянно носит в высшей степени легальный характер. Как только для *него* был отрезан путь к отступлению, он объявил о необходимости немедленной революции. Вместо того чтобы изучить положение Германии, создать себе общее представление о нем и сделать из этого вывод, какие прогрессивные шаги, какого рода развитие и какие мероприятия необходимы и возможны, вместо того чтобы разобраться в сложных взаимоотношениях между отдельными классами Германии и в их отношениях с правительством и вывести отсюда основы политики, которой следует придерживаться, одним словом, вместо того чтобы приспособить свою тактику к ходу развития Германии, г-н Гейнцен весьма развязно требует, чтобы развитие Германии приспособлялось к нему самому.

Г-н Гейнцен был ярким противником философии, пока она была еще *прогрессивна*. Лишь только она стала реакционной, лишь только она стала убежищем для всех колеблющихся, всех калек и литературных дельцов, как г-н Гейнцен на беду свою и примкнул к ней. Да еще случилось так, к еще большему несчастью для г-на Гейнца, что г-н Руге, который всю свою жизнь сам всегда был простым прозелитом, сделал из г-на Гейнца своего единственного прозелита. Г-н Гейнцен должен, таким образом, служить утешением для г-на Руге: нашелся, по крайней мере, хоть *один* человек, который полагает, что он постиг смысл словесных конструкций г-на Руге.

За что же, собственно, ратует г-н Гейнцен? За немедленное установление германской республики, в которой традиции американской революции и 1793 года сочетались бы с некоторыми мероприятиями, позаимствованными у коммунистов, и которая носила бы ярко выраженную черно-красно-золотую окраску. Германия занимает в силу вялости своего промышленного развития такое жалкое положение в Европе, что она никогда не сможет взять на себя инициативу, никогда первая не сможет провозгласить великую революцию, никогда на свой страх и риск без Франции и Англии не сможет установить республики. Всякая германская республика, установленная независимо от движения в цивилизованных странах, всякая германская революция,

которую можно будто бы совершить на свой страх и риск и, как это получается у г-на Гейнца, совершенно не считаясь с действительным движением различных классов в Германии, — всякая такая республика и всякая такая революция являются плодом чистой фантазии, окрашенной в черно-красно-золотой цвет. И чтобы сделать эту славную германскую республику еще более славной, г-н Гейнцен обрамляет ее усовершенствованным Руге фейербаховским гуманизмом и провозглашает ее царством «человека», которое уже почти наступило. И все эти фантазии — одна несуразнее другой — немцы должны осуществить!

Как, однако, ведет свою пропаганду великий «агитатор» г-н Гейнцен? Он объявляет монархов главными виновниками всех бедствий и нищеты. Это утверждение не только смехотворно, но и в высшей степени вредно. Г-н Гейнцен не мог бы сильнее польстить немецким монархам, этим бессильным и слабоумным марионеткам, чем он это делает в данном случае, приписывая им какое-то фантастическое, сверхъестественное, демоническое всемогущество. Утверждая, что монархи могут причинить столько несчастий, г-н Гейнцен этим признает за ними силу творить в таких же размерах и добро. Выводом отсюда является не необходимость революции, а благочестивое желание иметь на троне славного государя, доброго императора Иосифа. Впрочем, народ много лучше, чем г-н Гейнцен, знает, кто его угнетает. Г-ну Гейнцену никогда не удастся обратить против монархов ту ненависть, которую крестьянин-барщичик питает к помещику, рабочий — к своему работодателю. Но г-н Гейнцен действует, несомненно, в интересах помещиков и капиталистов, когда он вину за эксплуатацию народа этими двумя классами возлагает не на этих последних, а на монархов. А между тем именно эксплуатация народа помещиками и капиталистами порождает девятнадцать двадцатых немецких бедствий!

Г-н Гейнцен призывает к немедленному восстанию. Он печатает прокламации в этом духе и старается распространить их в Германии. Мы спрашиваем: не является ли такая бессмысленная, топорно и вслепую ведущаяся пропаганда в высшей степени вредной для интересов немецкой демократии? Мы спрашиваем: не доказал ли опыт, насколько такая пропаганда бесполезна? Разве во времена значительно большего возбуждения, а именно в тридцатых годах, в Германии не распространялись сотни тысяч подобных листовок, брошюр и т. д. и разве имела хоть одна из них какой-нибудь успех? Мы спрашиваем: может ли хоть один человек, находящийся в более или менее здравом уме, вообразить, что народ удостоит хотя бы малейшим вниманием такого рода политические нравоучительные проповеди и увещания? Мы спрашиваем: занимался ли когда-нибудь в своих листовках г-н Гейнцен чем-либо иным, кроме проповедования и увещания? Мы спрашиваем: не смехотворно ли поднимать шум на весь мир своими призывами к революции, вопреки всякому здравому смыслу, без знания и учета действительных отношений?

Какова задача партийной прессы? Прежде всего вести дискуссии, обосновывать, развивать и защищать требования партии, отвергать и опровергать претензии и утверждения враждебной партии. Каковы задачи немецкой демократической прессы? Доказывать необходимость демократии, выводя это из негодности существующего образа правления, представляющего в той или иной мере интересы дворянства, из недостаточности конституционного строя, при котором власть перейдет в руки буржуазии, из невозможности для народа улучшить свое положение, пока он не обладает политической властью. Она должна, таким образом, выяснить причины того гнета, которому подвергаются пролетарии, мелкие крестьяне и городские мелкие буржуа — ибо они-то и составляют в Германии «народ» — со стороны бюрократии, дворянства и буржуазии; она должна выяснить, чем обусловлено возникновение не только политического, но прежде всего социального гнета, и при помощи каких средств он может быть устранен; она должна доказать, что завоевание политической власти пролетариями, мелкими крестьянами и городскими мелкими буржуа является первым условием для применения этих средств. Она, далее, должна исследовать, в какой мере можно рассчитывать на немедленное осуществление демократии, какие средства находятся в распоряжении партии и к каким другим партиям она должна примкнуть, пока она еще слишком слаба, чтобы действовать самостоятельно. — А выполнил ли г-н Гейнцен хоть одну из всех этих задач? Нет. Он и не дал себе труда делать это. Он ничего не объяснил народу, т. е. пролетариям, мелким крестьянам и городским мелким буржуа. Он никогда не изучал положения классов и партий. Он только и делал, что разыгрывал вариации на *одну и ту же* тему: бей его, бей его, бей его!

И к кому обращается г-н Гейнцен со своими революционными нравоучительными проповедями? Прежде всего к мелким крестьянам, к тому классу, который в наше время менее всего способен проявлять революционную инициативу. На протяжении последних шестисот лет города в такой мере служили очагами всех прогрессивных движений, что в своих самостоятельных демократических движениях сельское население (Уот Тайлер, Джек Кэд, Жакерия, Крестьянская война), во-первых, всякий раз держалось реакционно, а во-вторых, всякий раз подавлялось. Промышленный пролетариат городов стал ядром всякой современной демократии; мелкие буржуа и еще больше крестьяне всецело зависят от его инициативы. Это доказывает французская революция 1789г. и новейшая история Англии, Франции и восточных штатов Америки. А г-н Гейнцен возлагает надежды на крестьянский бунт теперь, в XIX веке!

Г-н Гейнцен, однако, обещает и социальные реформы. Конечно, равнодушие народа к его призывам постепенно вынудило его к этому. А что это за реформы? Именно такие, какие сами коммунисты предлагают как подготовительные меры к упразднению частной собственности. То единственное у Гейнца, что можно было бы признать, он позаимствовал у коммунистов, тех самых коммунистов, на которых он так резко обрушивается. Да и это в его руках превратилось в сплошную нелепость и в чистую фантазию. Все мероприятия с целью ограничения конкуренции и накопления крупных капиталов в руках отдельных лиц, всякое ограничение или упразднение права наследования, всякая государственная организация труда и т. д. — все эти мероприятия в качестве

революционных мероприятий не только возможны, но даже необходимы. Они возможны потому, что весь восставший пролетариат стоит за них и прямо поддерживает их вооруженной рукой. Они возможны, несмотря на все выдвигаемые экономистами в качестве аргумента против них трудности и препятствия, так как именно эти трудности и препятствия заставят пролетариат идти все дальше и дальше до полного уничтожения частной собственности, чтобы не потерять снова то, что было им уже завоевано. Они возможны как подготовительные мероприятия, как переходные промежуточные ступени к упразднению частной собственности, но только в качестве таковых.

Но г-н Гейнцен требует этих мероприятий как неизбежных и конечных мероприятий. Они ничего не должны готовить, они должны быть окончательными. Они для него не средство, а цель. Они рассчитаны не на революционное, а на спокойное буржуазное состояние общества. Но в силу этого они становятся невыполнимыми и в то же время реакционными. Буржуазные экономисты совершенно правы, когда они, в противовес Гейнцену, изображают эти мероприятия как реакционные по сравнению со свободной конкуренцией. Свободная конкуренция есть последняя, высшая, наиболее развитая форма существования частной собственности. Все мероприятия, следовательно, имеющие своей предпосылкой сохранение частной собственности и все же направленные против свободной конкуренции, — реакционны и клонятся к восстановлению низших ступеней развития собственности. Поэтому в конечном счете они должны опять-таки потерпеть крушение благодаря конкуренции и повлечь за собой восстановление нынешнего положения вещей. Эти возражения буржуа, которые теряют всякую силу, как только мы станем рассматривать указанные социальные реформы как простые *mesures de salut public* {меры общественного спасения}, как революционные и переходные мероприятия, — эти возражения являются уничтожающими для аграрно-социалистически-черно-красно-золотой республики г-на Гейнцена.

Г-н Гейнцен воображает, конечно, что можно изменять и приспосабливать по произволу отношения собственности, право наследования и т. д. Г-н Гейнцен — один из невежественнейших людей этого столетия — может, конечно, не знать, что отношения собственности каждой эпохи являются необходимым результатом присущего этой эпохе способа производства и обмена. Г-н Гейнцен может не знать, что нельзя превратить крупное землевладение в мелкое, не изменив всего способа ведения сельского хозяйства, и что в противном случае крупное землевладение будет очень скоро снова восстановлено. Г-н Гейнцен может не знать, какая тесная связь существует между современной крупной промышленностью, концентрацией капиталов и формированием пролетариата. Г-н Гейнцен может не знать, что такая зависимая и порабощенная в промышленном отношении страна, как Германия, может себе позволить предпринять на свой страх и риск лишь такое преобразование своих отношений собственности, которое будет соответствовать интересам буржуазии и свободной конкуренции.

Короче говоря, у коммунистов эти мероприятия имеют разумный смысл, потому что они рассматриваются ими не как произвольные мероприятия, а как необходимые результаты, сами собой вытекающие из развития промышленности, сельского хозяйства, торговли, средств сообщения, из развития обусловленной этим классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом; и они будут вытекать из этого не как окончательные мероприятия, а как переходные *mesures de salut public*, продиктованные самой, также преходящей, классовой борьбой.

У г-на Гейнцена эти мероприятия лишены какого-либо разумного смысла, ибо они выступают у него как совершенно произвольно придуманные мещанские фантазии об улучшении мира, ибо у него нет и намек на связь этих мероприятий с историческим развитием, ибо г-н Гейнцен ни капельки не заботится о практической осуществимости своих проектов, ибо он стремится не формулировать непреложные законы производства, а, наоборот, декретами упразднить эти законы.

И этот же г-н Гейнцен, для которого требования коммунистов становятся приемлемыми только после того, как он их варварски исказил и превратил в чистые химеры, — этот же г-н Гейнцен упрекает коммунистов в том, что они «создают путаницу в головах необразованных людей», что они «гонятся за химерами» и «теряют реальную почву (!) под ногами»!

Таков г-н Гейнцен во всей своей агитационной деятельности, и мы открыто заявляем, что считаем ее безусловно вредной и компрометирующей для всей немецкой радикальной партии. Партийный публицист должен обладать совсем другими качествами, чем те, которыми обладает г-н Гейнцен, являющийся, как уже говорилось, одним из невежественнейших людей нашего столетия. Г-н Гейнцен, может быть, и преисполнен самых благих намерений, он, может быть, является самым твердым в своих убеждениях человеком во всей Европе. Мы знаем также, что лично он честный человек и обладает мужеством и стойкостью. Но всего этого недостаточно, чтобы быть партийным публицистом. Для этого требуется нечто большее, чем определенные убеждения, благие намерения и голос Стентора. Для этого требуется немного больше ума, немного больше ясности мысли, лучший стиль и больше знаний, чем имеется у г-на Гейнцена, и, как показывает долготелый опыт, чем он вообще в состоянии приобрести.

Г-н Гейнцен, однако, благодаря своему бегству, должен был все же стать партийным публицистом. Он был вынужден сделать попытку организовать себе партию среди радикалов. Он, таким образом, занял положение, которое ему не по плечу, и его безуспешные усилия быть на высоте этого положения делают его только смешным. Этим он выставил бы в смешном виде и немецких радикалов, если бы они дали ему повод считать, что он их представляет, что он делает себя смешным от их имени.

Но г-н Гейнцен не представляет немецких радикалов. Они имеют совсем иных представителей, например, Якоби и других. Г-н Гейнцен никого не представляет и никем не признан представителем, за исключением,

пожалуй, немногих немецких буржуа, которые поддерживают деньгами его агитацию. Впрочем, мы ошибаемся. Один класс в Германии признает его своим представителем, восторгается им, дерет за него глотку, старается ради него перекричать всех трактирных завсегдатаев (точь-в-точь как, по словам Гейнцена, коммунисты «перекричали всю литературную оппозицию»). Этим классом является многочисленный, просвещенный, благомыслящий и влиятельный класс коммивояжеров.

И этот г-н Гейнцен требует от коммунистов, чтобы они признали его представителем радикальных буржуа и дискутировали с ним как с таковым!

Все изложенное выше дает уже достаточно оснований для оправдания полемики коммунистов против г-на Гейнцена. В следующем номере мы остановимся на тех упреках, которые г-н Гейнцен бросает коммунистам в упомянутом №77 этой газеты.

Если бы мы не были твердо убеждены, что г-н Гейнцен совершенно не годится для роли партийного публициста, мы бы ему посоветовали тщательно проштудировать «Нищету философии» Маркса. Но, увы, мы можем ответить на его совет нам прочитать «Новую политику» Фрёбеля только другим советом, а именно: сидеть смиренно и спокойно ждать «боя». Мы убеждены, что г-н Гейнцен окажется столь же хорошим батальонным командиром, сколь плохим он оказался публицистом.

Чтобы не дать повода г-ну Гейнцену жаловаться на анонимные нападки, мы подписываем эту статью.

Ф. Энгельс

СТАТЬЯ ВТОРАЯ

Коммунисты, как мы это выяснили в первой статье, не за то нападают на Гейнцена, что он не коммунист, а за то, что он плохой публицист демократической партии. Они нападают на него не как *коммунисты*, а как *демократы*. То, что против него открыли полемику именно коммунисты, является простой случайностью. Если бы даже в мире не было никаких коммунистов, то против Гейнцена должны были бы выступить демократы. Во всем этом споре речь идет только о следующем: 1) способен ли г-н Гейнцен в качестве партийного публициста и агитатора принести пользу немецкой демократии, что мы отрицаем; 2) правильны ли или, по крайней мере, терпимы ли агитационные методы г-на Гейнцена, на что мы также отвечаем отрицательно. Речь идет, таким образом, не о коммунизме и не о демократии, а только о личности и о личных причудах г-на Гейнцена.

Коммунисты при современных условиях не только совершенно далеки от того, чтобы начинать бесполезные споры с демократами, но скорее сами в данный момент выступают как демократы во всех практических партийных вопросах. Необходимым следствием демократии во всех цивилизованных странах является политическое господство пролетариата, а политическое господство пролетариата есть первая предпосылка всех коммунистических мероприятий. Пока, следовательно, демократия еще не завоевана, до тех пор коммунисты и демократы борются рука об руку, и интересы демократов являются также интересами и коммунистов. До этого момента разногласия между обеими партиями имеют чисто теоретический характер и прекрасным образом могут быть предметом теоретических дискуссий без всякого ущерба от этого для совместных действий. Можно будет даже столкнуться о некоторых мероприятиях, которые следовало бы провести немедленно после завоевания демократии в интересах донныне угнетенных классов, например, о переходе в ведение государства крупной промышленности, железных дорог, о воспитании всех детей на государственный счет и т. д.

Вернемся, однако, к г-ну Гейнцену.

Г-н Гейнцен заявляет, что не он начал спор с коммунистами, а они с ним. Мы имеем перед собой, таким образом, известный аргумент в стиле грузчика, по поводу которого мы с ним препираться не будем. Он называет свой конфликт с коммунистами «бессмысленным расколом, который коммунисты вызвали в лагере немецких радикалов». Гейнцен утверждает, что он уже три года тому назад стремился всеми силами и всеми возможными средствами предотвратить надвигающийся раскол. Эти бесплодные усилия имели-де своим следствием нападки коммунистов на него.

Три года тому назад, как хорошо известно, г-н Гейнцен вовсе не принадлежал еще к *лагерю радикалов*. Он был тогда сторонником прогресса в рамках закона и либералом. Расхождения с ним вовсе не означали, следовательно, раскола в лагере *радикалов*.

Г-н Гейнцен встретился с коммунистами здесь, в Брюсселе, в начале 1845 года. Эти последние не только совершенно не думали нападать на г-на Гейнцена за его якобы политический радикализм, но скорее прилагали величайшие усилия, чтобы побудить принадлежавшего тогда еще к либералам г-на Гейнцена перейти на позиции именно этого радикализма. Но напрасно. Только в Швейцарии г-н Гейнцен стал демократом.

«Позже я все более и более стал убеждаться (!) в необходимости энергичной борьбы против коммунистов», — следовательно, стал убеждаться в необходимости бессмысленного раскола в лагере радикалов! Мы спрашиваем немецких демократов: годится ли в партийные публицисты тот, кто так смехотворно противоречит самому себе?

Но кто такие те коммунисты, которые, по утверждению г-на Гейнцена, выступили с нападками на него? Приведенные выше намеки и, особенно, следующие за ними обвинения по адресу коммунистов дают на это ясный ответ. Коммунисты, говорится у Гейнцена,

«перекричали весь лагерь литературной оппозиции, они создали путаницу в головах необразованных

людей, бесцеремоннейшим образом порочили самых радикальных деятелей, они... старались по мере сил парализовать политическую борьбу, больше того, они объединились... в конечном счете прямо с реакцией. Вдобавок еще в практической жизни, очевидно под влиянием своей доктрины, они часто опускались до роли *подлых и лживых интриганов...*»

Из туманной неопределенности этих обвинений вырисовывается весьма заметная фигура: фигура литературного дельца г-на Карла Грюна. У г-на Грюна были три года тому назад личные счеты с г-ном Гейнцем, г-н Грюн в связи с этим выступил с нападками на г-на Гейнца в «Trier'sche Zeitung», г-н Грюн попытался перекричать весь лагерь литературной оппозиции, г-н Грюн старался по мере сил парализовать политическую борьбу и т. д.

С каких это пор, однако, г-н Грюн является представителем коммунизма? Если он три года тому назад и сделал попытку сблизиться с коммунистами, то он никогда не был признан коммунистом, никогда сам себя публично таковым не называл и более года тому назад счел даже нужным выступить против коммунистов.

Маркс уже тогда полностью дезавуировал г-на Грюна перед г-ном Гейнцем и позднее, при первой же представившейся возможности, публично изобразил его в его настоящем виде.

Что же касается заключительной — «подлой и лживой» — инсинуации г-на Гейнца по адресу коммунистов, то она имеет своей основой инцидент, происшедший между г-ном Грюном и г-ном Гейнцем, и ничего больше. Инцидент этот касается обоих названных господ, но никак не коммунистов. Мы даже не знаем подробностей этого инцидента настолько, чтобы быть в состоянии высказать свое суждение о нем. Предположим, однако, что г-н Гейнц прав. Но если после того, как Маркс и другие коммунисты дезавуировали замешанное в этом инциденте лицо, если после того, как стало ясно, как день, что это замешанное лицо никогда не было коммунистом, — если после всего этого г-н Гейнц все же продолжает выдавать этот инцидент за неизбежное следствие коммунистической доктрины, то это является безграничной низостью.

Если, впрочем, г-н Гейнц в своих вышеприведенных обвинениях имеет в виду и других лиц, помимо г-на Грюна, то это относится только к тем «истинным социалистам», чьи действительно реакционные теории давно были дезавуированы коммунистами. Все способные к развитию представители этого ныне совершенно разложившегося направления перешли к коммунистам и сами теперь нападают на «истинный социализм» там, где он еще себя проявляет. Г-н Гейнц, следовательно, снова обнаруживает обычное для него беспредельное невежество, когда вновь выкапывает эти давно погребенные фантазии, чтобы взвалить ответственность за них на коммунистов. Упрекая здесь «истинных социалистов», которых он смешивает с коммунистами, г-н Гейнц вслед за тем бросает по адресу коммунистов те же нелепые обвинения, которые выдвигали против них «истинные социалисты». Он, следовательно, не имеет собственно даже никакого права нападать на «истинных социалистов», ибо в известном смысле и сам принадлежит к ним. Ведь в то время, когда коммунисты резко выступали в печати против этих социалистов, тот же г-н Гейнц сидел в Цюрихе, где г-н Руге приобщал его к тем обрывкам «истинного социализма», которые уместились в его собственной путаной голове. Воистину, г-н Руге нашел ученика, достойного такого учителя!

Но где же подлинные коммунисты? Г-н Гейнц говорит о заслуживающих уважения исключениях и весьма талантливых людях, относительно которых он предсказывал, что они откажутся от коммунистической солидарности (!). Коммунисты уже *отказались* от всякой солидарности с писаниями и действиями «истинных социалистов». Из всех вышеприведенных упреков ни один не относится к коммунистам, за исключением разве заключительных слов всей тирады, которые звучат следующим образом:

«Коммунисты... высокомерно кичась своим воображаемым превосходством, высмеивают все, что только и может служить основой для объединения *честных людей*».

Г-н Гейнц, очевидно, намекает этим на то, что коммунисты потешались над его высокоморальными выступлениями и высмеивали все эти священные и возвышенные идеи, добродетель, справедливость, мораль и т. д., которые, как воображает г-н Гейнц, якобы составляют основу всякого общества. Этот упрек мы принимаем. Коммунисты, несмотря на моральное негодование *честного* человека — г-на Гейнца, не перестанут высмеивать эти *вечные истины*. Коммунисты к тому же утверждают, что эти вечные истины ни в коем случае не являются основой, а, наоборот, являются продуктом того общества, в котором они фигурируют.

Если, впрочем, г-н Гейнц предвидел, что коммунисты откажутся солидаризироваться с теми людьми, которых ему угодно причислять к их лагерю, к чему тогда все его нелепые упреки и подлые инсинуации? Если г-н Гейнц знает коммунистов только понаслышке, а это почти очевидно, если он так мало знает, кто они, что требует от них, чтобы они сами дали более точное понятие о себе, чтобы они, так сказать, *представились* ему, — какое же бесстыдство надо иметь, чтобы при этих условиях полемизировать с ними?

«Точное понятие о тех лицах, которые, собственно, представляют коммунизм или которые излагают его в чистом виде, вероятно, привело бы к полному отпадению от коммунизма главной массы тех, которые его придерживаются и *используются им*, а против такого требования протестовали бы вряд ли одни только господа из «Trier'sche Zeitung»».

И несколькими строками ниже:

«От тех, которые действительно являются коммунистами, *можно ожидать* достаточной последовательности и *честности*» (о, добродетельный филистер!), «чтобы они откровенно выступили со своей доктриной и отреклись от тех, которые не являются коммунистами. *От них надлежит потребовать*» (что за филистерские обороты!), «чтобы они не поддерживали *бессовестным образом* (!) *путаницу*, которую создает в головах многих тысяч *страдающих* и *необразованных* людей воображаемая или измышленная возможность — фактически являющаяся невозможностью (!!)) — найти, оставаясь на почве реальных отношений, путь к осуществлению этой доктрины (!). *Долгом*» (опять этот добродетельный филистер) «подлинных коммунистов является либо сделать все совершенно ясным для всех представителей темной массы, которые к ним примыкают, и вести их к определенной цели, либо же *отмежеваться* от них, *не использовать их*».

Г-н Руге мог бы себя поздравить, если бы он сумел произвести на свет три подобных периода. Филистерским требованиям полностью соответствует путаница мыслей, свойственная филистеру: последнего-де занимает лишь суть дела, но отнюдь не форма, и именно поэтому он высказывает прямо противоположное тому, что намеревался сказать. Г-н Гейнцен требует, чтобы подлинные коммунисты отмежевались от мнимых коммунистов. Они должны положить конец той путанице, которая (так он *хочет* сказать) происходит от смешения двух различных направлений. Но как только эти два слова, «коммунисты» и «путаница», сталкиваются в его голове, в ней самой возникает путаница. Г-н Гейнцен теряет нить мыслей. Его ходячая формула, что коммунисты *вообще* создают путаницу в головах необразованных людей, путается у него под ногами, он забывает о подлинных коммунистах и о мнимых коммунистах, с комической беспомощностью спотыкается он о всякого рода воображаемые и измышленные возможности, фактически являющиеся невозможностями, и растягивается, наконец, во весь рост на почве реальных отношений, где он опять приходит в себя. Теперь ему снова приходит в голову, что речь шла совсем не о том, возможно ли то или другое, что он, собственно, хотел говорить о чем-то совершенно ином. Он снова возвращается к своей теме, но он еще так оглушен, что даже не вычеркивает ту великолепную фразу, в которой он проделал вышеописанный акробатический трюк.

Таков стиль г-на Гейнца. Что касается существа дела, то мы повторяем, что г-н Гейнцен, как и подобает добропорядочному немцу, слишком поздно приходит со своими требованиями и что коммунисты уже давно дезавуировали «истинных социалистов». Затем мы снова видим здесь, что прибегать к пускаемым исподтишка инсинуациям отнюдь не является чем-то несовместимым с характером добродетельного филистера. Г-н Гейнцен, в частности, вполне прозрачно намекает на то, что коммунистические публицисты только используют коммунистических рабочих. Он достаточно прямо заявляет, что публичное изложение этими публицистами их взглядов повело бы к полному отпадению от коммунизма главной массы тех, которые используются им. Он усматривает в коммунистических публицистах пророков, жрецов или священнослужителей, обладающих тайной мудростью, которую они держат при себе и скрывают от необразованных людей, чтобы вести их на помочах. Все его добродетельно-филистерские требования, чтобы *сделать* все *ясным* для всех *представителей темной массы* и *не использовать их*, исходят, очевидно, из предположения, будто коммунистические литераторы заинтересованы в удержании рабочих в темноте и невежестве, будто они только используют их, подобно тому как иллюминаты в прошлом столетии хотели использовать народ. Это пошлое представление побуждает также г-на Гейнца повсюду твердить невпопад о путанице в головах необразованных людей и совершать, в наказание за то, что он не высказывается прямо, стилистические акробатические трюки.

Мы только отмечаем эти инсинуации, мы не станем их опровергать. Мы предоставляем коммунистическим рабочим самим судить об этом.

Наконец, после всех этих предварительных замечаний, уклонений в сторону, требований, инсинуаций и акробатических трюков г-на Гейнца, мы приходим к его теоретическим нападка и соображениям против коммунистов.

Г-н Гейнцен

«усматривает ядро коммунистической доктрины, попросту говоря, в упразднении частной собственности (также и приобретенной собственным трудом) и в являющемся неизбежным следствием этого упразднения принципе совместного пользования земными благами».

Г-н Гейнцен воображает, что коммунизм есть некая *доктрина*, которая исходит из определенного теоретического принципа, как из своего *ядра*, и делает отсюда дальнейшие выводы. Г-н Гейнцен жестоко ошибается. Коммунизм не доктрина, а *движение*. Он исходит не из принципов, а из *фактов*. Коммунисты имеют своей предпосылкой не ту или другую философию, а весь ход предшествующей истории и, в особенности, его современные фактические результаты в цивилизованных странах. Коммунизм есть следствие крупной промышленности и ее спутников: возникновения мирового рынка и обусловленной этим безудержной конкуренции; принимающих все более разрушительный, все более всеобщий характер торговых кризисов, которые теперь уже окончательно стали кризисами мирового рынка; формирования пролетариата и концентрации капитала; вытекающей отсюда классовой борьбы между пролетариатом и буржуазией. Коммунизм, поскольку он является теорией, есть теоретическое выражение позиции пролетариата в этой борьбе и теоретическое обобщение

условий освобождения пролетариата.

Г-ну Гейнцену не мешало бы теперь понять, что для того, чтобы судить о коммунизме, требуется нечто большее, чем усматривать его ядро, попросту говоря, в упразднении частной собственности; что лучше было бы ему взяться за основательное изучение политической экономии, чем праздно болтать об упразднении частной собственности; что он не может иметь ни малейшего представления о тех *следствиях*, к которым должно привести упразднение частной собственности, если он не знает также и его предпосылок.

В этом последнем вопросе г-н Гейнцен обнаруживает такое грубое невежество, что он даже полагает, будто «совместное пользование земными благами» (тоже недурное выражение) является *следствием* упразднения частной собственности. На деле имеет место как раз противоположное. Вследствие того, что крупная промышленность, развитие машинного производства, средств сообщения, мировой торговли принимает такие колоссальные размеры, что их эксплуатация отдельными капиталистами с каждым днем становится все более и более невозможной; вследствие того, что всё усиливающиеся кризисы мирового рынка дают нам самое убедительное доказательство этого; вследствие того, что производительные *силы* и *средства* обмена современного *способа* производства и обмена с каждым днем все больше перерастают рамки индивидуального обмена и частной собственности; одним словом, вследствие того, что приближается момент, когда общественное управление промышленностью, сельским хозяйством, обменом становится материальной необходимостью для самих же промышленности, сельского хозяйства и обмена, — вследствие всего этого частная собственность будет упразднена.

Когда г-н Гейнцен упразднение частной собственности, которое, конечно, является предпосылкой освобождения пролетариата, отрывает таким образом от собственных предпосылок этого упразднения, когда он рассматривает его вне всякой связи с действительным миром как простую глупую кабинетную выдумку, то оно становится чистейшей фразой, о которой он может сказать только плоский вздор. Он так и поступает:

«Упомянутым упразднением всякой частной собственности коммунизм неизбежно упраздняет также и *самостоятельное существование отдельных лиц*» (г-н Гейнцен, таким образом, обвиняет нас в стремлении сделать людей сиамскими близнецами). «Следствием этого является опять-таки зачисление каждой отдельной личности в казарменное хозяйство, организованное приблизительно (!!) наподобие общины» (просим снисходительного читателя заметить себе, что все это, как это общепризнано, является следствием только собственной болтовни г-на Гейнцена о самостоятельном существовании отдельных лиц). «Этим коммунизм уничтожает индивидуальность... независимость... свободу». (Старый вздор «истинных социалистов» и буржуа. Как будто современные индивиды, ставшие вследствие разделения труда помимо их воли сапожниками, фабричными рабочими, буржуа, юристами, крестьянами, т. е. рабами определенной профессии и соответствующих ей нравов, образа жизни, предрассудков, ограниченности и т. д., обладают еще какой-то индивидуальностью, которую можно было бы уничтожить!) «Коммунизм приносит в жертву отдельную личность с *приобретенной* частной собственностью — необходимым атрибутом или основой этой личности» (это «или» превосходно!) — «призраку общности или общества» (и здесь Штирнер?), «между тем как общность может и должна» (должна!!) «быть не целью, а средством для каждой отдельной личности».

Г-н Гейнцен придает особенное значение *приобретенной* частной собственности и доказывает этим лишний раз свое абсолютное незнакомство с предметом, о котором он говорит. Добродетельно-филистерская справедливость, в соответствии с которой г-н Гейнцен стремится дать каждому то, что он заработал, к сожалению, сводится на нет крупной промышленностью. Пока крупная промышленность еще не достигла такого уровня развития, при котором она может окончательно освободиться от оков частной собственности, до тех пор она не допускает никакого иного распределения своих продуктов, кроме ныне существующего, до тех пор капиталист будет класть в карман свою прибыль, а рабочий будет все больше знакомиться на практике с тем, что представляет собой минимум заработной платы. Г-н Прудон сделал попытку систематически развить принцип *приобретенной* собственности и поставить его в связь с существующими отношениями и, как известно, потерпел полнейший крах. Г-н Гейнцен, правда, никогда не решится на подобную попытку, ибо для этого ему пришлось бы заняться изучением вопроса, чего он не станет делать. Но пример г-на Прудона мог бы ему послужить уроком, чтобы поменьше публично выставлять свою приобретенную собственность.

Если после всего этого г-н Гейнцен бросает коммунистам упрек в том, что они гоняются за химерами и теряют реальную почву под ногами, то кого же касается этот упрек?

Г-н Гейнцен высказывает дальше еще многое другое, в рассмотрение чего мы не будем входить. Заметим только, что чем дальше он продвигается, тем все более неуклюжими становятся его фразы. Одной беспомощности его языка, выражающейся в полном неумении подбирать подходящие слова, уже достаточно, чтобы скомпрометировать всякую партию, которая вздумала бы признать его своим литературным представителем. Твердость его убеждений постоянно приводит его к тому, что он говорит не то, что хочет сказать. Каждое из его предложений содержит, таким образом, двойную бессмыслицу: во-первых, бессмыслицу, которую он хочет сказать, и, во-вторых, ту, которой он не хотел сказать, но которую все же говорит. Выше мы приводили пример этого. Заметим только еще, что г-н Гейнцен повторяет свой старый суеверный взгляд относительно могущества государей, когда говорит, что *власть*, которую надо свергнуть и которая есть не что иное, как государственная власть, является теперь, как и всегда, источником и оплотом всякого бесправия, и что

он «стремится» учредить *подлинное правовое государство* (!) и в рамках этого фантастического здания «провести все те социальные реформы, теоретическая правильность (!) и практическая осуществимость (!) которых вытекает из всеобщего развития (!)»!!!

Насколько хороши намерения, настолько же плох стиль. Такова уж судьба добродетели в этом скверном мире.

Развращенный духом века
Стал пещерным санкюлотом.
Плохо танцевал, но доблесть
Гордо нес в груди косматой;
.....
Не талант, — зато характер.

Г-н Гейнцен будет приведен нашими статьями в справедливое негодование, как и подобает оскорбленному добродетельному филистеру, однако из-за этого он не изменит ни своей литературной манеры, ни своей компрометирующей и бесцельной формы агитации. Его угроза расправой на фонарях в день решительных действий доставила нам несколько веселых минут.

Одним словом, коммунисты должны и хотят действовать совместно с немецкими радикалами. Но они оставляют за собой право выступать против всякого публициста, который компрометирует всю партию в целом. По этой причине, а не по какой-либо другой, мы сочли нужным выступить против Гейнцена.

Брюссель, 3 октября 1847г.

Ф. Энгельс

NB. Мы только что получили брошюру, написанную одним рабочим {Стефаном Борном}: «Государство Гейнцена. Критические замечания *Стефана*», Берн, Ретцер. Г-н Гейнцен мог бы радоваться, если бы он писал наполовину так хорошо, как этот рабочий. Из этой брошюры г-н Гейнцен, помимо других вещей, мог бы достаточно отчетливо выяснить, почему рабочие не хотят и слышать об его аграрной республике. — Заметим еще, что это первая написанная рабочим брошюра, автор которой выступает не с морализированием, а пытается объяснить политические битвы современности борьбой между различными классами общества.

Написано Ф. Энгельсом 26 сентября и 3 октября 1847г.

Напечатано в «Deutsche-Brüsseler-Zeitung» №№79 и 80; 3 и 7 октября 1847г.

Подпись: Ф. Энгельс

Печатается по тексту газеты

Перевод с немецкого